

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ НАСЕЛЕНИЮ ВОЗМОЖНОСТЬ НАДЕЖНО, ВЫГОДНО И УДОБНО ХРАНИТЬ СВОИ ДЕНЕЖНЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ.

Сберегательные кассы принимают вклады нескольких видов:

● **ВКЛАДЫ** до востребования принимаются на неограниченный срок, их можно в любое время пополнить или получить по частям или полностью. По вкладам до востребования выплачивается доход из расчета 2% годовых;

● **СРОЧНЫЕ ВКЛАДЫ** принимаются на срок не менее шести месяцев. Срочный вклад нельзя пополнить или получить частями. Каждый дополнительный взнос оформляется как новый срочный вклад. Если вкладчик желает получить часть срочного вклада, то данный счет по вкладу закрывается, а на оставшуюся часть открывается новый срочный вклад. По срочному вкладу выплачивается доход из расчета 3% годовых;

● **УСЛОВНЫЕ ВКЛАДЫ** вносимые на имя лица, которое может распоряжаться вкладом лишь при соблюдении определенных условий или при наступлении обстоятельств, указанных при внесении вклада: например, после окончания учебного заведения или достижения вкладчиком совершеннолетия и т. д. По условным вкладам выплачивается доход из расчета 2% годовых;

● **ВЫИГРЫШНЫЕ ВКЛАДЫ** отличаются от всех других вкладов тем, что доход по ним выплачивается в форме выигрышей. Тиражи проводятся два раза в год — в апреле и октябре. На 1000 счетов в тираже разыгрывается 25 выигрышей: один выигрыш в размере 200%, два выигрыша по 100%, два — по 50% и двадцать выигрышей по 25% среднего остатка вклада за истекшее полугодие, на который выпал выигрыш;

● **ВКЛАДЫ НА ТЕКУЩИЕ СЧЕТА**, которыми вкладчики распоряжаются путем выдачи чеков: именных или на предъявителя. По вкладам на текущие счета доход выплачивается из расчета 2% годовых.

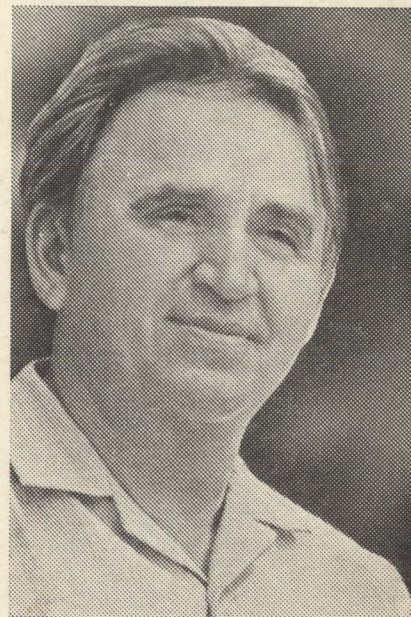
Российское республиканское
управление Гострудсберкасс

ОГОНЁК

№ 46

1977

Виктор БОКОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ЛИРИКА

Виктор БОКОВ

ЛИРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1977

Виктор БОКОВ

Виктор Федорович Боков родился в 1914 году в семье крестьянина деревни Язвицы, Загорского района, Московской области. Учился в соседнем городе Краснозаводске, где впоследствии работал токарем по металлу. С завода уехал в Москву, в Литературный институт имени А. М. Горького. После окончания института занимается творческим трудом. Издал книги стихов «Яр-хмель», «Ветер в ладонях», «У поля, у моря, у рек», «Весна Викторовна», «Лето-мята», «Заструги», «Три травы», «Алевтина», «Когда светало», сборник поэтической прозы «Над рекой Истермой» и др.

В 1975 году в издательстве «Художественная литература» вышло двухтомное собрание избранных стихотворений Виктора Бокова.

Многие стихи поэта стали популярными песнями: «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет молодой моряк», «Лен, лен», «Белый снег засыпал город», «Я назову тебя зоренькой», «Ой, завьюжила, запорошила», «Снег седины», «На Мамаевом кургане тишина» и др.

За заслуги в развитии советской литературы Виктор Боков награжден орденом «Знак Почета» и орденом Трудового Красного Знамени.

Когда мы полетим к другим планетам,
В неведеньи трагически тихи,
Дадим ли поручение поэтам
Собратся в путь и захватить стихи?

Кому поручим? Кто решится первым
Не побояться бездны голубой?
Тот, кто силен лирическим напевом,
Иль тот, кто дружит с маршем и трубой?

Неважно! Полетят и те и эти,
Вокруг земного шарика кружа.
Всем хватит места на земле-планете,
А на других — тем более, друзья!

Я хоть сейчас готов. И мне не страшно
Накрыть скафандром голову свою.
Не поза это! Нет! Я не напрасно
Давно уже о космосе пою.

Поэт — он чем-то с космонавтом сходен,
Они подружат сразу, как свои.
Вот прозвучит «Готов!» И полным ходом
Космический корабль войдет в слои.

И зазвучат стихи из мирозданья.
И хлынет горлом соловьиный звук.
Его услышит, затаив дыханье,
Седая Академия наук.

Готовьтесь к неизведанным дорогам!
Земляне мы. Но звезды вдаль зовут.
И дышит образ дальним кислородом,
И рифмы в невесомости плывут!

ДВЕ МАТЕРИ

Две матери живут на белом свете.
Двух сыновей на белом свете нет.
Для матерей они как были дети,
Так и остались ими с давних лет.

Одна Мария, а другая Анна,
Две матери, избранницы земли.
Нет сыновей, но славой осиянны
Два имени в космической дали.

Два сына. Две упрямых, дерзких воли,
Один и спал и видел Байконур,
Другой еще за партой, в сельской школе,
Мечтою в беспредельность заглянул.

— Я твердо знаю, полетят ракеты! —
Один сказал: — Посторонись, звезда!
А в это время под Смоленском где-то
Родился мальчик, чтоб лететь туда.

Чтоб смело окунуться в мирозданье,
Бесстрашно в космос трассу проложить,
Чтоб, сдерживая радость и рыданье,
Сказать, вернувшись: — Мама! Сын твой жив!

Две матери. Две славы. Две легенды.
Две опаленных жизнью седины.
Они сыновним подвигом и делом
В единый круг, как сестры, сведены!

Две матери. Печаль закралась в лица,
Когда не стало славных сыновей.
Двум матерям хочу я поклониться,
Сказать спасибо ото всех людей!

ДВЕРЬ ЦИОЛКОВСКОГО

Из спаленки и низенькой светёлки
Над русской равнинною рекой
На крышу выходил, как на вечерку,
Седой старик с подзорною трубой.

Купеческая, старая Калуга
Подсчитывала прибыль, шла на риск,
А для него казной была наука,
А у него одно богатство — мысль!

— Эй ты, посторонись!

А он не слышал.

— Эй ты, куда пошел?

А он молчал.

И через ту же дверь спешил на крышу
И всей Вселенной встречу назначал.

На кухне громко радовались дети,
Не угнетала бедность их ничуть.
А Циолковский думал о планете,
О том, как за предел Земли шагнуть.

Он поборол невежество и косность.
Он людям преподавал большой урок.
В дверь Циолковского Гагарин вышел в космос,
А вслед за ним и космонавт Армстронг.

Седой старик и в праздники и в будни
О звездной крыше думал круглый год.
Я смело говорю теперь с трибуны:
— Ищите дверь, что к подвигу ведет!

СОКОЛ

Сердце сокола вскормлено риском,
И звенит оно, как тетива.
Не гранит ему обелиском,
А безбрежная синева.

Сокол этот землю подарен,
Полетит он, держи не держи!
Сокол этот зовется — Гагарин,
А летать он учился во ржи.

На смоленском проселке у Гжатска,
Где ни облачка не видать,
Где так хочется к небу прижаться,
Бесконечность Вселенной обнять!

КОСМОНАВТУ АНДРИЯНУ НИКОЛАЕВУ

Космонавт в дали космической,
Там, где звезды и светила,
Утирается косыночкой
Той, что милая дарила.

Собирала в путь-дороженьку,
Величала Андрияном.
Говорила: — Милый, родненький!
Крепко-крепко обнимала.

Верила, что парень выдюжит,
Андриян все перетерпит.
Спутник создавали люди же,
Людам и летать в ракете.

С Андрияном Николаевым
Выступал я в Ленинграде,
Как-то запросто мы ладили
И в быту и на эстраде.

Я о море, он о космосе,
Я стихом, он прозой устной.
Шли единой дружной поступью
Космонавтика с искусством.

— Как там было в невесомости? —
Я спросил его. — Привычно.
— Как работалось? — По совести.
— Как спалось? — Спалось отлично!

Разговоров на три короба,
Тема космоса громадна.
— Да! Но, Андриян Григорьевич,
Как там Валя? — Все нормально!

Ни величием, ни вечностью,
Ни геройством не пугает.
Простотою, человечностью
Он к себе располагает.

Скромность в нем и обаяние,
Обнаженный свет Отчизны.
Как и нету расстояния
Между подвигом и жизнью!

ОДЕРЖИМОСТЬ

Я проснулся и подумал
В Переделкине на даче:
В осажденных Сиракузах
Архимед решал задачи.

В передрызгах жизни трудной!
Возле быта и болота
Неусыпный Леонардо
Изучал закон полета.

Осажденный Шостакович
Под бомбежкой шел к роялю,
Дух несдавшейся блокады
Олимпийски сохраняя.

А отсюда — сделай вывод:
Что задумал — достижимо,
Если множить цель большую
На большую одержимость.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

Детинушка — сажень косая,
Ну, словом, русский богатырь,
Шел полем, в борозды бросая
Литые зерна доброты.

Он был и сеятель и пахарь,
И сказочник и фантазер.
Он заливался звонкой птахой
У русских речек и озер.

Он, как ребенок, был наивен,
Доверчивый был и простой.
Не потому ль к нему равнины
Просились в душу на постой?!

Не потому ли в сердце песня
Жила, как в гнездышке своем.
У нас сегодня день воскресный,
Давай Фатьянова споем!

РОДИНА

Родина моя не только Русь,
Родина моя — Кавказ, Молдавия,
Гордый горец с именем Эльбрус,
Высота торжественно-двуглавая.

Родина моя — широкий Днепр,
С кобзарем Шевченко мы братья-браты,
Жил бы он на Волге с малых лет,
Мы бы вместе пели «Коробейники».

Родина моя — Алма-Ата,
Степь в тюльпанах розово-рассветная,
Мой характер — это доброта,
Убери ее — и сразу нет меня!

Я живу певучестью славян,
Этой меткой мы давно помечены,
Мне близка и музыка армян,
Где печаль с надеждою повенчаны.

Я поэт. Пою Россию. Снег.
Поле. Путь. Возвышенное небо.
Для меня советский человек
Друг и брат, какой бы крови не был!

МИКУЛА

Егору Исаеву

Не за стеною монастырской
Микула сошку мастерил,
А на равнине богатырской,
Где ворон каркал и парил.

Бесхитростен был сельский витязь,
Он черный хлебушек кусал.
Он валунам сказал: — Подвиньтесь! —
Да приналег и сдвинул сам.

И все дела! И конь саврасый
Борзо пошел по борозде,
Без норова, без разногласий,
Отлично знал он, в чьей узде.

И затыжѣлила земелька,
Глянь — и налился колосок.
И вот уже дурак Емелька
На печку русскую залег.

Сказал: — А ну, лети, родная! —
И полетела печь, как пух.
Не печь — кибитка удалая,
А в ней огонь и русский дух.

Жалейки, дудки и свирелки —
Все появилось на Руси.
И гусли, и игра в горелки,
И бабы царственной красы.

Стоял Микула и не верил,
Что столько жизни от сохи.
Хмелел и целовал деревья,
Случалось, даже пел стихи!

В нем пахарь уживался с воином,
Покоя не было кругом.
Он с пашней управлялся вовремя
И вовремя кончал с врагом.

Друг! Не хвались, что ты из Тулы,
Что ты механик и Левша!
Ты от сохи и от Микулы,
Ты Селянинова душа!

* * *

Я сегодня облюбую,
Как отраду обрету,
Эту речку голубую
И черемуху в цвету.

Эту розовую кашку
И мохнатого шмеля,
Что рассказывает сказку
Про тебя, моя земля.

Это облако над полем,
С золотым шитьем боков,
Эту жажду пить запоем
Из горячих родников.

Этот тихий полустанок,
Где за тыном огород,
Где знакомый полушалок
Целый день пилотку ждет!

НА ПРОСЕЛКЕ

Живу крылато, родниково,
Не отвожу от жизни глаз.
Ищу единственное слово,
Чтоб выразить себя и вас.

'А где оно? Ау! Откликнись!
Не прячясь за глухой стеной.
У старой серенькой калитки
Поговори, постой со мной.

Две женщины бредут просёлком,
Из-под платка седой висок.
Размашисто по их кошелкам
Ударил дождь наискосок.

— Ах, Марьюшка, а вот и ливень,
Промочит нас он в пять минут!
— Не ливень это, а счастливень,
С него и огурцы пойдут.

Капуста будет завиваться,
Грибы появятся в бору.
С него все будет прибавляться,
А прибавление ко двору!

Спасибо, бабоньки, за слово
И за бесхитростный рассказ.
Я запишу село Пряслово
В свои стихи, чтоб помнить вас!

* * *

Кричат перепела,
Скрипят коростели.
Трава переплела
Глубокий сон земли.

Передо мной Ока,
Родная дочь равнин.
Летит моя рука
В зеленый вздох травин.

Спокойно дышит грудь,
Без горестных замет.
И это люди врут,
Что будто счастья нет.

* * *

Невеста моя — луговина с зеленой травой!
Обнять невозможно — она беспредельна.
Она разлеглась под высокой густой синевой,
И можно ее приласкать по травинке, отдельно.

Срываю гвоздичку и щеку свою щекочу,
Срываю горошек, вдыхаю знакомую пряность.
И руки раскрылив, лежу, ничего не хочу,
А в сердце растет несказанная, тихая радость.

Откуда она? Я не молод. И все позади.
Губам с поцелуя бывалого вновь не зардеться.
Но бьется, как пленник кавказский, в груди
Влюбленное в жизнь и в людей беспокойное сердце.

Плывут облака на Рязань, на Орел, на Ростов,
А в доннике пчелы гудят, как гудки паровозов.
И бьют родники Берендея из вечных пластов,
И клевер цветет у дороги, младенчески нежен и розов.

И хочется жить, и грустить, и лениво лежать,
И медленно думать о чем-то, на то и рассудок,
И после большой передышки влюбленно бежать
К черте горизонта, окрашенной в цвет незабудок.

* * *

Рожь подступила к могиле бойцов,
Встала, как войско, прямыми рядами.
А по военной дороге отцов
Мирные дети идут за грибами.

В скромной ограде бушует трава:
К мертвым венкам жмутся ветви живые,
День разгулялся, дорога пряма,
Ласково льнут ветерки полевые.

Прямо из нивы зенитка торчит,
Целится башнею танк в отдаленье.
В небе безоблачно коршун кричит,
Свастики нет на его оперенье!

Дети, не бойтесь! Смелее! Смелей!
Нет за кустами врагов нечестивых.
Вы здесь хозяева этих полей,
Этих лесов, этих рек говорливых:

От попаданий дубрава черна,
Пробует с корня ожить и воспрянуть.
Как она неизлечимо верна
Этой земле, этим древним крестьянам!

Нет! Незнакома природе печаль,
Не для нее ни вдовство, ни сиротство.
Через окопы шагнул иван-чай,
Цвет небывало высокого роста.

Прячется в противотанковый ров,
В послевоенные ивы и кроны,
Красное полымя клеверов
Гудом гудит от пчелы златобровой.

Было за что бесноваться огню,
Крови крестьянской дымиться росюю.
Дети, идите! Я вас догоню,
Оберегу ваше детство босое.

Вот и осмелились и разбрелись,
Тихо ложатся грибы в кузовочек.
Только ручей да осиновый лист
Что-то до боли родное бормочут.

* * *

Музыка, как небо, над землей.
Все в ней есть: восход, закат, сиянье
И нерасторжимое слиянье
Млечного пути над головой.

Я, как в небо, в музыку лечу.
Мой корабль — восторженность и трепет,
Музыка меня, как скульптор, лепит,
Я в блаженстве слиться с ней хочу.

Безразлично — скрипка иль орган,
Балалайка, арфа или домра,
Только бы она, моя мадонна,
Музыка — и только б не уран!

* * *

Отыми соловья от зарослей,
От родного ручья с родником,
И искусство покажется замыслом,
Неоконченным черновиком.
Будет песня тогда соловьиная
Будто долька луны половинная,
Будто колос, налитый не всклень,
А всего и немного потеряно—
Родничок да ольховое дерево,
Дикий хмель да прохлада и тени!

* * *

Я связан с землею дождями, дорогами,
Желаньями делать большие дела,
Заборами, пряслами и огородами,
Где тыква зеленый подол подняла.

Я связан с землею закатами, зорями,
Призывно трубящими в горн золотой,
Не кто-то иной, а они мне позволили
И песни слагать и дружить с красотой.

Я связан с землею певучестью слова,
Железом насыщенных, жилистых руд
И той нестареющей, вечной основой,
Название которой — работа и труд.

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ

Зеленый цвет, дороже нет,
На мне зеленая рубаха.
Мне нравится он много лет,
Понятно, я природный пахарь.

Зеленый клен. Зеленый вяз,
Зеленый тополь у вокзала,
Ты и халат на этот раз
Себе зеленый заказала.

Зеленый галстук у меня,
Ты знаешь, что люблю я зелень,
Люблю я озимь, зеленя,
Зеленый цвет лелеет землю.

А я земной. Я — каравай,
Я от земли и пьян и хмелен,
Вот почему мне дорог май,
Да здравствует земная зелень!

НЕ БЕЛОРУЧКА

Я поэт, не белоручка —
Сам пахал, траву косил.
Доли не придумать лучше,
Труд меня не омрачил.

Только труд нас всех ваяет,
Можно ль сиднем-то сидеть?
Только труд и позволяет
Честно всем в глаза глядеть!

Хлеборобов воспеваю,
Вместе с ними сам тружусь,
Тем, что с рифмой поспеваю,
Не скрываю, я горжусь.

Родом не из лежебоков,
Не из тех, кто в стороне,
Я, простите, Виктор Боков,
Лодырь — это не по мне!

Родина моя в разбеге.
Сколько новых трудных трасс!
Не поедешь на телеге,
Скажешь:— Дайте мне КамАЗ!

Родина моя в заплыве,
Цель нас всех одна зовет.
Можно ль мне-то быть в отрыве
От больших ее забот?!

ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН

Плетение корзин — искусство.
Его я в детстве перенял.
— Когда плетешь, тебе не скучно! —
Отец, бывало, повторял.

Он плел, заделывая донья,
Нахваливая скромный труд.
Летали ладные ладони,
Послушно гнулся тонкий прут.

А я смотрел и сердце тешил,
Любуясь ловкостью отца.
Он плел, а я корзины вешал
На стенку около крыльца.

Но вот отец оставил прутья,
Позвал: — А, ну, сынок, плети!
Ничуть не растерялся тут я.
Его сомнению вопреки.

Да! Я ничуть не растерялся
И, низко голову клоня,
Так был прилежен, так старался,
Что получилось у меня!

* * *

Солнце — коврига,
Хлеб подовой,
Пахнет от солнца
Медом, травой.

Хмелем, крапивой,
Брагой в ковше,
Дынями Дона
В степном шалаше.

Солнце — бродяга,
Обходчик путей,
Сколько у солнца
Приемных детей!

Лужи, канавы,
Подсолнухи, рожь.
Рощи, дубравы.
Да разве сочтешь?

Сам я от солнца
С его рыжиной,
Сельский, проселочный,
Весь аржаной.

Весь конопляный,
Овсяный, льняной.
Вот что ты сделало,
Солнце, со мной!

СКАЗКА

Утром кто-то стукнул мне в оконце:
— Принимайте! К вам послы от солнца!

Я оделся, вышел на террасу,
Откровенно, сразу растерялся.

Двадцать три подсолнуха стояли,
Как дружина на реке Каяле.

— Что вам надо? — я спросил, стесняясь,
Исподволь причину выясняя.

— Мы пришли приветствовать поэта!
— Если так, спасибо вам за это!

— Мы хотим стихов! — Извольте, люди!
Дал я им смородины на блюде.

Квасу деревянный жбан поставил,
Словом, без вниманья не оставил.

Загудел мой колокол словесный,
Стали падать зерна полновесно.

Слушали до самого заката.
Вслух отозвались: — Как музыкально!

Небо превратилось в темный омут,
Все подсолнухи глаза смежили.
А один сквозь сон сказал другому:
— Мы с поэтом нынче подружили!

* * *

Здравствуй, солнце! Это я.
Подари мне диадему
Очень тонкого литья,
В руки дай мне, я надену.

Подари мне ясный день,
Успокоенные дали,
Чтоб на крышах деревень
Сизари заворковали.

Подари тележный скрип,
Я давно его не слышал,
Сделай так, чтоб белый гриб
Мне в лесу навстречу вышел.

Подари мне клин овса,
Что звенит, как рыцарь в латах,
Подари мне голоса
Всех щебечущих пернатых.

Отплачу тебе одним —
Это мне пока по средствам —
Словом песенным, родным,
Что стучит под самым сердцем.

СОЛНЦЕСТОЯНЬЕ

Струи июньского, нежного, теплого воздуха,
День самый долгий и самый-пресамый пастуший.
Солнцестоянье — великая пауза отдыха,
Солнце себе позволяет и этот поступок!

В оцепенении стройная ветвь валерьяны,
В пазухах листьев сверканье камней драгоценных.
Кто-то косил рано утром, и вот на поляне
Смертоубийственно пахнет сегодняшним сеном.

О, задержать бы все это большое цветенье,
Остановить, приказать: — Не подумайте блёкнуть!
Чтобы смотрелось волшебное это виденье
Всей красотой своею в озерные окна.

Солнце, куда ты? Постой же! Зачем торопиться?!
День бы хотя задержалось, чего тебе стоит?!
Серая птичка присела на камешек, чтобы напиться,
И полетела с заботой своею мирскою.

Солнце стояло, стояло и двинулось дальше,
Отдых ему разрешил не директор завода.
Что ему, солнышку, графики наши,
Солнцу командует только природа!

* * *

Как в природе легко и празднично
После теплых и майских ночей.
Лист растёт богатырски сказочно,
Прячет наглухо гнезда грачей.

Вся земля — гимнастерка защитная —
Дышит, чувствует пар на груди.
Облака, как рогожи зашитые,
Распороть — и начнутся дожди.

И насытятся влагою дарственной
Зелень, злаки, весенний посев.

Чуть приспустится флаг государственный,
От дождя и грозы захмелев!

ХУДОЖНИКУ НИКОЛАЮ НОВИКОВУ

Когда гляжу я на твои полотна,
На щедрую распахнутость полей,
Я говорю, что ты бесповоротно
Влюблен в Россию и ее людей.

Мать-родина тебя не обделила,
Из пригоршни большой тебе дала.
И потому чисты твои белила
И яблоня цветущая бела.

Ты — следопыт, ты — землемер, ты — странник,
Ты — чуткий и колеблемый камыш.
Ты, как пастух, выходишь рано-рано
И по кустам этюдником гремишь.

Позирует тебе сосна у кручи,
Чуть тронутые зеленью кусты.
И вдохновенье, словно дождь из тучи,
Вот-вот прольется на твои холсты!

ПАМЯТНЫЙ АДРЕС

Не забываю адрес:
Рязань, река Ока.
А там Сергей Лександрыч,
Певучая строка.

А там структура, почва
И музыкальный лад.
Давно я знаю точно —
Есенин мне, как брат,

Рязань, река Ока.
Ее язык ядрён.
Народною основой
Есенин умудрён.

В его словесном гуле
Есть золото и медь.
Я русский и могу ли
Хвалу ему не петь?!

В нем силища какая!
Он мудр, как звездочет,
Струясь, не умолкая,
Родник его течет!

* * *

Ты говоришь: я примитивный
И прост мой песенный мотив.
Послушай, критик мой ретивый,
А солнце — тоже примитив?

А дождь над крышею ребристой,
Что всех в укрытие загнал?
А ландыш этот серебристый,
Что Лермонтова вдохновлял?

Глухарь токующий на ветке,
Глоток воды, ржаной ломоть —
Все примитив? Оставь наветы,
Тебе меня не побороть!

Я — жизни! А ты сухая схема.
Да надоел ты — отвяжись!
Тебе была бы только тема,
А мне была бы только жизнь.

С грачиным граем над бродами,
Где зябнут вербы нагишом,
Где зарево над городами,
Как свет зари над камышом!

ВЯТСКАЯ ГАРМОНЬ

*А. Сапожникову,
конструктору вятских гармоней*

Мне подарили вятскую гармонию
На фабрике, в большом поселке Ганино.
И я ее привез к себе домой
И никому не дам на поругание.

Ни модному стиляге москвичу
И ни шуту эстрадно-безголосому.
Не трогайте! Она не по плечу
Таким, как вы, прошу вас по-хорошему!

В малиновых мехах горит заря,
Начну играть, и в дом войдет раздолие,
И оживает вятская земля,
С которой я знаком и даже более.

Я полюбил ее простых людей,
Бесхитростных, душевных, разговорчивых.
Мне так близка печаль ее полей,
Крик журавлей, отлетом озабоченных:

Звучи, моя гармонь, и озоруй,
Захлебывайся голосом неистово,
И песенную силу мне даруй,
Мне без нее и дня в боях не выстоять!

* * *

В моей крови еще живет мой дед,
Былинный богатырь, оратай,
Ни радости мне, ни восторга нет,
Когда не прикоснусь к земле лопатой,

Когда не поскитаюсь лично сам,
Оставив всех друзей и всех знакомых,
По луговой траве и по лесам,
По перекатам речек родниковых.

Когда не посажу зеленый лук,
Картофеля, как надо, не окучу,
Не выпущу из сильных, цепких рук
Нагнутую черемуху под тучу.

Как спится тебе, дед, в родной земле?
Я верен ей и всем твоим глаголам.
Твоя любовь к Отечеству при мне,
А от нее стихи и все другое.

* * *

Уходит лето, как печально это!
Уходит жизнь, печальней во сто крат.
Знакомый клен сегодня в час рассвета
Открыл сезон и начал листопад.

Казалось, что оркестр печальный грянул,
И звуки звонко взрыли синеву,
Когда сорвался с ветки лист багряный,
Закувыркался, тихо лег в траву.

Еще листок... еще листок сорвался
И медленно спланировал в кусты.
Не с этого ли в поле конь саврасый
По ветру громко гриву распустил?!

А листья все летели, и кружились,
И падали безмолвно в мягкий мох.
И под своим родителем ложились,
И слышался в лесу усталый вздох.

Клен милый, каково тебе сегодня,
Когда ветра холодные трубят?
Могу ли я сочувствием сыновним
Хоть капельку обрадовать тебя?

* * *

Добрую осень лето сулило,
Сколько всего уродило для нас,
Сколько оно огурцов насолило,
Белых грибов засушило в запас.

Как оно громко аукалось в лесе,
Теплым дождем умывало траву.
Как оно гордо с подсолнухом вместе
В гору несло золотую главу.

Пахло на грядках зеленым укропом,
Сладко морковка хрустела во рту,
Девочкой лето бежало по тропам,
Пело, смеялось, играло в лапту.

Как мы тепло у ручья с ним простились,
Нежные лету сказали слова.
Долго нам ночи июльские снились,
Память о них и теперь все жива.

ЯРМАРКА В РОСТОВЕ

Побелели мешки от муки,
Пожелтела посуда от меда.
Возле Дона, великой реки,
Ходит ярмарка — праздник народа.

Ай да дыня! Сударыня-степь,
Вот какую ты штучку взрастила.
Так и хочется песню запеть
Про твою черноземную силу.

Мед степной словно чистый янтарь,
Он, как музыка Моцарта, сладок.
Мед — мечта. Налетай, налетай,
Черпай радость из липовых кадок!

То и дело транжирка-рука
То пятерку подцепит, то трешник.
Хороша на Дону мука,
Осень — мельник, она же — мирошник.

Осень — сваха, она же и сват,
Всех знакомых влюбляет с разгона.
Да святится лицо — свят, свят —
Молодых хлебобобов Дона!

Обнимайтесь — на то и любовь,
Объясняйтесь — на то и согласие,
Слаще самых отменных медов
Неподдельное, чистое счастье.

Ах, пшеничка! Ласкает взгляд
Твой налив золотой, полновесный.
Это хвастает зерноград,
Это Зинченко всем известный.

Коренастый, широкий, земной,
Хитроватый и башковитый,
Неуступчивый, озорной,
Деловитый и домовитый.

Родич Разина, славный мужик,
От земли коммунист настоящий.
Руку подал и в поле бежит,
Пояском расписным подпоясан.

Шире, ярмарка! Покупай!
Раскошеливайся смелее!
Да не жмись ты, не жмись ты — отдай,
И казна твоя не обмелеет.

Заработаешь! Только не спи
И не прячь своего прилежанья!

А в далекой донской степи
Долгогривое конское ржанье.

Топот ног в серебре ковыля,
Табуны быстроты не боятся!
Стонет радостная земля
От избытка и от богатства.

Ходит Шолохов Михаил,
Пахарь поля, где сеется слово.
Я однажды к нему приходил
И с тех пор навсегда очарован.

Славься, труд хлебороба, везде!
В шахте, в поезде, в цехе, в обкоме,
В нескучеющей борозде,
В каждой хате и в каждом доме!

* * *

Так вот она — милая сердцу Отчизна!
Так прост ее профиль, так скромнен наряд.
Туман разостлался внизу, как овчина,
И тихо по склонам рябины горят.

Откуда-то тянет и тмином и дымом,
Крепчает рассол огуречный в чанах.
С морозцем в обнимку, как с другом любимым,
На грядках капуста стоит в кочанах.

Какая-то скромность и робость в пейзаже,
Свод неба сурово затянут холстом.
А скирды стоят, как надежные стражи
Всего, что мы ревностно так бережем.

И пусть предо мной оголенно-печально
Пустеют осенние дали полей,
Все так же любовно мое величанье
Единственной, милой Отчизны моей!

Я РУССКИЙ

Я русский. Я универсален.
Я то долины, то холмы.
То Ломоносов, то Державин,
То Пушкин — это все ведь мы!

Я топором рубил соборы.
Без графика, за семь недель.
Как хороши они собою,
Замечено из всех земель.

Я русский. Но зачем кичиться
Великостью своей — я прост.
Моя мечта, как тройка, мчится,
Она теперь у самых звезд.

Я и Титов, я и Гагарин.
Я и в тени и на виду.
Над дымом мартовских прогалин
Бьет крыльями мой гимн труду.

Я все могу. На все умелец.
Когда по мне фашист палил,
На что уж был я погорелец,
А города восстановил.

Кому колодец нужен — вырою,
Понадобится — дом срублю.
Все потому, что землю милую,
Свое Отечество люблю.

Я то орловский, то московский,
То комбайнер, то инженер,
То Туполев, а то Твардовский.
Я — Русь! И я — СССР!

БЕРЕГИТЕ ЛЮДЕЙ

Человеку несут
Апельсины, печенье.
Для него уже это
Не имеет значенья.

Он глядит на людей
Снисходительно-строго:
— Если б это, родные,
Пораньше немного!

Был я молод, горяч,
Всюду был я с народом,

А теперь обнимаю
Баллон с кислородом.

Как младенец, сосу
Кислородную соску.
Каши мне принесут,
Съем от силы две ложки.

Если губы замком,
Если годы согнули,
Не поможет фабком,
Не помогут пилюли.

Не помогут цветы,
Цеховые конфеты в складчину,
Не подымут они
Богатырского вида мужчину.

Надо вовремя
Душу спасти человечью —
Апельсинами, отдыхом,
Дружеской речью.

О, не будьте, не будьте
В гуманности лживы,
Берегите людей,
Берегите, пока они живы!

ЮРИЮ ГРИБОВУ

Твоя строка трудом добыта,
В ней встречи с жизнью и с людьми,
В ней доброе начало быта
И тихий, ровный свет любви.

Ты горьковский, ты с Волги, Юра,
С Бугров, с приречного песка,
Ты наш! Твоя литература
Мне и понятна и близка.

Мы были вместе в Пскове, в Риге,
Бродили средь лесов, полей.
И понял я, что наши книги —
Присяга Родине своей.

Служенье нашему народу,
Желание с ним вместе быть,
Мы за него в огонь, и в воду,
И даже в космос, так и быть!

СНОВА НА РОДИНЕ

Давно я не видел такого прекрасного снега.
Давно я не слышал такой тишины заовражной.
Прости меня, Малая Родина! Долго я не был,
Зато, как бывало, полез целиной непролазной.

Под сводами синего льда нежно булькает Гóрдыль,
Все там же течет, у нее неизменная трасса.
Речонке родной я поклон по-старинному отдал,

Она, как девчонка, мне крикнула звонкое: — Здравствуй!
Беги, моя молодость и родниковая юность!
Не здесь ли давал я торжественно все обещанья?
При встрече с тобою не меньше теперь я волнуюсь,
А может, и больше — когда-то ведь будет прощанье!

Синичка с черемухи тенькнула грустно и нежно,
Вспорхнула и путь обозначила тонкой дугою.
О, как в этой жизни свершается все неизбежно —
И рост, и любовь, и рассвет, и закат, и другое!

Зима забубенно звенит надо мной и шаманит,
Под самое ухо внушительно так напевает:
— Не думай о том, что прощальное время настанет,
Пой песню надежды, она и в снегу согревает!

* * *

Может, завтра все это кончится,
Нынче жадно этого хочется:
Бегу быстрого,
Снегу чистого,
Почты свежей,
Почки нежной,
Зорь лазоревых,
Гроз озоновых,
Белых лилий,

Теплых ливней,
Родников с ледников,
Янтарей из морей,
Только нынче, немедля, скорей!

* * *

Не сойтись весне и осени,
Разная у них ретивость,
Непохожи полномочия,
Велика несовместимость!

* * *

Моя мастерская не больше столярки,
Мои инструменты не больше стамески.
Моя мастерская сегодня в порядке.
Работу закончил, сижу на скамейке.

Степенной походкой проходят сельчане,
Усталость улыбкой своей выдавая.
По имени-отчеству всех я встречаю:
— Как нынче работалось? Как скирдовали?

— Работалось в устал! — один отвечает. —
Машины ни гаечкой не оплошали.
А кто на язык поострей, замечает:
— А главное, на поле нам не мешали!

Иду потихоньку в распаханность поля,
Оно мне родное, там все узнается.
Там люди наделали за день такое,
Что даже за месяц не всем удаётся!

Спокойное солнце садится за тучу,
Усталое стадо пылит на прогоне.
И тянет меня на знакомую кручу,
Где видишь Россию, как хлеб на ладони!

* * *

Об осени. Опять о ней!
О чем же, коль уходит лето?!
Косяк печальных журавлей
Ударился в стекло рассвета.

И вдребезги — и тишина,
И синекупольная крыша.
Дверь настезь, и несет пшена
Гусьям бабушка Ариша.

— Дед, дрыхнешь? Встал бы поскорей.
Печь вытопил, я вся замерзла.
Да постыдился бы людей,
Зовут, иди, садись за весла.

Дед хроменький, но семенит,
Шагами расстояние режет.
С Отечественной инвалид.
Но перевоз исправно держит.

И вот уж весла на весу,
И вот уж дед на середине,
И вот уж лай собак в лесу,
И вот уж люди на плотине.

А журавли летят, летят,
То прямо, то чуть-чуть правее.
Они, наверно, не хотят
Расстаться с родиной своею!

* * *

Милая родина!
Зори закатные,
Мачты высокие,
Голос турбин.
В золото осени
Ярко вплетаются
Флаги пунцовые,
Грозди рябин.

Я узнаю тебя
В голосе диктора,
В лязге лебедек,
Морских якорей.
В атомной станции,
В запуске спутников,
В реве пропеллеров,
В шуме морей.

Разноязыкая,
Разноплеменная,
Стала единой,
Сплоченной навек,
Горе войны
На плечах своих вынесла,
По-богатырски
Решительно выросла,
Равной тебе,
Моя родина. нет!

Ты — вдохновенная,
Ты — несравненная,
В шаге, в заплыве,
В размахе крыла.
Ты — это самые
Новые новости.
Ты — это самые
Скорые скорости,
Самые лучшие
В мире дела.

Ты — это счастье
Народов безбрежное.
Ты — это самая
Светлая жизнь.
Ты от Памира с Камчаткой
До Мурмана
Вся устремленная,
Буйная, бурная,
Вся, как могучий
Порыв в коммунизм!

СОДЕРЖАНИЕ

* «Когда мы полетим к другим планетам...»	3
Две матери	4
Дверь Циолковского	4
* Сокол	5
Космонавту Андрияну Николаеву	6
* «Одержимость»	7
* Алексей Фатьянов	7
Родина	8
Микула	8
«Я сегодня облюбую...»	9
* На проселке	10
«Кричат перепела...»	10
«Невеста моя — луговина с зеленой травой!..»	11
«Рожь подступила к могиле бойцов...»	11
«Музыка, как небо, над землей...»	12
«Отыми соловья от зарослей...»	13
«Я связан с землею дождями, дорогами...»	13
Зеленый цвет	13
* Не белоручка	14
Плетение корзин	15
«Солнце — коврига...»	15
* Сказка	16
«Здравствуй, солнце! Это я»	17
* Солнцестоянье	17
«Как в природе легко и празднично...»	18
Художнику Николаю Новикову	18
* Памятный адрес	19
* «Ты говоришь: я примитивный...»	19
* Вятская гармонь	20
* В моей крови еще живет мой дед...»	21
* «Уходит лето, как печально это...»	21
«Добрую осень лето сулило»	22
Ярмарка в Ростове	22
«Так вот она — милая сердцу Отчизна!..»	24
Я русский	24

Берегите людей	25
* Юрию Грибову	26
Снова на родине	27
«Может, завтра все это кончится...»	27
* «Не сойтись весне и осени...»	28
* «Моя мастерская не больше столярки...»	28
«Об осени. Опять о ней!..»	29
«Милая родина! Зори закатные...»	29

* © Издательство «Правда». Библиотека «Огонек». 1977.

Виктор Федорович Бонов

ЛИРИКА

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 16/IX 1977 г. А 00447. Подписано к печати 22/XII 1977 г.
 Формат 70×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,50.
 Тираж 100 000. Изд. № 2932. Зак. 1137. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды», 24.